

Предисловие

Перед вами третья, и последняя, книга о необычной жизни смоленской княжны Светорады. Воплотился мой замысел написать приключенческий исторический роман о женщине— славянке времен так называемых «темных веков», проследить ее судьбу с ранней юности до поры становления как личности. Мне хотелось сделать своеобразную зарисовку, показав, как могла бы сложиться жизнь женщины из далекого прошлого.

Детство и юность моей героини прошли на берегах Днепра, в славном городе Смоленске. Красивая и эгоистичная девушка была всеобщей любимицей, избалованной дочерью варяжского князя Эгиля Золото и смоленки Гордоксевы. О том, кто во времена Олега Вещего был в Смоленске главой, ничего не известно, но я намеренно решила сделать отцом Светорады варяга, поскольку выходцы с севера занимали тогда главенствующее положение на Руси. Но так как героиня должна была быть нашей девушкой, то ее материю стала славянка из древнего племени кривичей.

О городе Смоленске впервые упоминается в «Повести временных лет» от 882 года как о центре племенного союза кривичей, причем говорится, что уже тогда Смоленск был хорошо укрепленным и многонаселенным городом. Смоленск, занимавший выгодное положение на пути «из варяг в греки», играл на Руси немаловажную роль, поэтому мне хотелось начать повествование о судьбе моей героини именно оттуда. Чтобы изучить «места боевых действий», я специально поехала в Смоленск, побывала на реке и холмах, отметила особенности топографии, посмотрела на современных смолян. Конечно, от Смоленска, описанного в «Повести временных лет», ничего уже не осталось... но все так же течет Днепр между лесистых всхолмленных берегов, а под Гнездово, где некогда селились варяги, ведутся раскопки курганов.

Стремясь соединить вымысел и исторический материал, я позволила себе дать волю фантазии. В конце концов, главными в романе являются люди и прежде всего княжна Светорада с ее своевольным, взбалмошным характером. А потому в центре повествования — ее непростая любовь к Стемке Стрелку, сложные отношения с женихом князем Игорем и Ольгой, будущей великой святой, а также с варягом Гунаром Хмурым, Олегом Вещим, братьями Ингельдом и Асмундом. Мне было интересно описывать быт наших пращуров, их празднества и верования. Обо всем этом я рассказала в романе «Светорада Золотая».

Сюжет второго романа трилогии, «Светорада Медовая», переносит читателя в земли племени мерян, на Волгу, в бескрайние южные степи, в солнечный Крым. Моя героиня оказалась в древнем Ростове, среди мерян. Увезшая ее ладья проходит по волжскому пути «из варяг в хазары», мимо столицы «черных булгар» и прибывает в столицу Итиль. Писать об исчезнувшем Хазарском каганате было и сложно, и интересно. Очень помогла в изучении материала книга

Льва Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь», откуда я почерпнула много интересного о былых обычаях хазар. В дальнейшем судьба переносит Светораду в степи, к печенегам. Здесь опять-таки помогла книга Л. Гумилева, а также прекрасная работа П. П. Толочко «Кочевые народы степей и Киевская Русь». Это не единственные материалы, к которым я обращалась, но основой были именно они, а также история Крыма – прекрасной древней Таврики с ее Херсонесом у синего Черного моря. Остальное – моя фантазия: приключения и герои из далекого прошлого – коварный тиун Усмар и мерянская шаманка Согда, хазарский царевич Овадия и булгарка Захра, скандинавка Асгерд и поединщик Скафти-Гург, хан Таштимер и ханша Йрас, бешеный Яукилде и благородный византийский патрикий Ипатий. О том, скольких людей встретила на своем пути княжна Светорада, знают все, кто прочитал роман «Светорада Медовая».

И вот, наконец, третья книга – «Светорада Янтарная». Признаться, мир Древней Византии был для меня абсолютно новым и ранее малознакомым. Художники, историки и писатели изображают Византию по-своему. Так, например, в романах Антонина Ладинского «Когда пал Херсонес» и Валентина Иванова «Русь изначальная» великое некогда государство представлено совершенно по-разному. Я же изобразила свою Византию – с ее великолепием, интригами, самомнением, мощью и противоречиями. Эпоха правления императора Льва Мудрого – один из интереснейших периодов в истории Византии, когда она была сверхдержавой, признанной законодательницей мод, образцом для подражания. Мне было несколько странно читать порой встречающееся у романистов мнение о постоянном упадке Византии, которая, вопреки этим утверждениям, казалась неуязвимой, отражала нападки врагов и зачастую сама шла в наступление. Со временем, упомянутых в «Светораде Янтарной», пройдет почти пять столетий, прежде чем Византия ослабнет настолько, чтобы пасть под ударами мусульман. В описываемый мною период это была великая империя, могущество и величие которой позволило показать как ее достоинства, так и пороки: высокомерие, вседозволенность и безнаказанность власти имущих, разнузданность нравов и пороки, скрытые за показной роскошью и внешним великолепием.

Именно на правление императора Льва Мудрого приходится упомянутый в «Повести временных лет» поход князя Олега на Константинополь. Разное говорят об этом походе, много спорят как об историческом факте. Но я писала художественное произведение, поэтому позволила себе пофантазировать и дать собственную оценку этому спорному, но яркому и неоднозначному событию. У меня флот Олега смело подошел к стенам Константинополя, продемонстрировав отвагу и силу молодой славянской державы, а князь Олег повесил свой щит на вратах Царьграда. Работая над третьей книгой, я опиралась на многие литературные источники, в частности на труд харьковского профессора С. Б. Сорочана «Этюды рынка». К тому же я посетила

Константинополь (нынешний Стамбул), где видела остатки стены древней столицы мира, ходила по развалинам дворца Вуколеон, ездила по заливу Золотой Рог и проливу Босфор, побывала в поразительном храме (ныне музей) Святой Софии – в общем, изучала город, в котором обитала и устраивала свою жизнь моя героиня. И теперь я предлагаю сей труд на ваше рассмотрение. Читайте, сопереживайте, соглашайтесь или не соглашайтесь. Я же хочу пожелать лишь одного: пусть вам будет интересно. И если вы что-то почерпнете из романа «Светорада Янтарная», я буду считать свою задачу выполненной.

С уважением, Симона Вилар

Глава 1

906 год от Рождества Христова, июль месяц.

Византийское побережье Черного моря

На юге светлеет рано. Особенno у моря. В час, когда солнце еще не взошло, но мир уже начал просыпаться, по извиающейся над кручей дороге скоро неслась запряженная парой мулов крытая двуколка. Правила ею молодая женщина в развевающихся светлых одеждах; погоняла мулов, даже покрикивала, раззадоривая животных, в то время как в самом возке сидели двое: пожилая почтенная женщина в надвинутой до бровей плоской шапочке поверх покрывала и сильный, крепкий мужчина с ровно подрезанной бородой и мощным торсом, обтянутым кожаной безрукавкой.

Вот молодая возница натянула вожжи, сдерживая бег животных, и ее «тпру» громко и резко прозвучало в предутренней тиши. Едва мулы остановились, она с улыбкой оглянулась на своих спутников. Пожилая матрона только таращила глаза да переводила дыхание, а мужчина скромно улыбался, кривя рот в сдержанном смешке.

– Все в порядке? – спросила, отбрасывая вожжи, женщина.

И, не дожидаясь ответа, легко соскочила с козел на землю, кинулась прочь, на ходу скидывая белое, увитое вокруг лба покрывало, побежала по откосу, потряхивая головой, высвобождая этим движением схваченные узлом волосы, так что они заструились пышным светло-золотистым каскадом по ее плечам и спине.

Пожилая матрона только и молвила ворчливо:

– Носится, как девчонка, право. Ни степенности тебе, ни достоинства.

– Позже все будет, матушка Дорофея, – произнес мужчина, тоже выходя из двуколки и беря под уздцы пофыркивающих после пробега мулов. В его греческом слышался заметный иноземный выговор. Он уверенно провел двуколку по небольшому склону к зарослям можжевеловой рощи и, покосившись на недовольно сопевшую спутницу, добавил: – Будет вам и степенность, и

достоинство, и приказы, коими вы так восхищаетесь. Сейчас же она просто сама по себе – словом, Светорада, радость светлая!

Последние слова он произнес по–славянски. И хотя его спутница знала это непривычное для слуха византийцев иноземное имя госпожи, она тут же начала настаивать, чтобы он звал молодую женщину именем, данным ей при крещении: Ксантия, что значит рыжая, золотистая, светловолосая.

Мужчина никак не отреагировал. Он помог кряхтевшей Дорофею сойти с двуколки и, привязав мулов у можжевелового куста, направился к округлому камню, подле которого и растянулся на земле, удобно положив рядом свой недлинный тесак и закинув сильные руки за голову – всем видом демонстрируя, что собирается поспать.

Дорофея устроилась в сторонке, предварительно постелив на землю войлочный коврик, и сидела какое–то время со спицами и вязанием, все время ворча, что вон, дескать, госпожа Светорада (сама не заметила, как назвала хозяйку все тем же варварским имечком) бегает, как легкомысленная девица, да и ее охранник, что куль с мукой, свалился под куст, не заботясь об охране госпожи. Но уже через пару минут ее голос стал монотонным, заработавшие было спицы опустились и матрона стала похрапывать в этой сонной ранней тиши под шелест колышимых ветром ветвей можжевельника и кипариса.

Охранник на миг приподнял тяжелые веки, покосился на нее, хмыкнул и, повернувшись на бок, вновь задремал. Он знал, что Светорада долго будет плескаться в море – эта ее прихоть уже стала для охранника привычной, – и понимал, что мешать ей не следует. И пусть Дорофея ворчит, что он, дескать, плохо следит за госпожой Ксантией, но не ей, взятой в услужение, ставить тут свои условия. Дорофея могла бы и не ездить с ними по утрам к морю, но уж больно добросовестна, знает, что по здешним благонравным правилам наставница обязана сопровождать хозяйку. Ну а ее славянский раб Сила – или Силантий, как его окрестили в Царьграде, – обязан везде охранять госпожу, владелицу богатого поместья Оливий и подругу знатного патриция Ипатия Малеила. Но не стоять же ему над ней, когда она купается? Недаром ведь она выбирает для своих заплывов это тихое время, когда колокола в расположеннном на горе монастыре Святого Пантелеймона еще не ударили, простые селяне только поднимают головы с ложа и никто не ведает, какое диво можно углядеть на морском берегу в этот предрассветный час.

А Светорада тем временем легко спускалась по склону, перескакивала с одного скалистого выступа на другой, пока не остановилась на округлом камне у самых вод Понта Эвксинского. Справа лиловел в сероватой мгле далекий мыс. Вокруг стояла благостная тишина...

Светорада уронила на камень головное покрывало, отстегнула на плече заколку надетой наискосок накидки, стала расшнуровывать узкие башмачки желтой кожи. Почти у самых ее ног тихо шуршало море. Присев на камень, она опустила одну ногу в воду. Сейчас вода была тихая, как в озере, и теплая, словно подогретая, ласковая. Сквозь ее прозрачные всплески были видны волнующиеся внизу водоросли, а далее, где дно устилали мелкие камешки, море светлело. Светорада давно облюбовала это место для купания. Две скалы по бокам маленькой бухточки

зашщищали ее от любопытных взоров, и молодая женщина стала снимать оставшуюся одежду: длинное платье с вышитой каймой внизу, тонкую рубаху. Стояла на камне – нагая и прекрасная, как сама праматерь Ева; точеное тело с тонкой талией и округлой грудью нежно белело в сероватом свете нарождавшегося дня, маленькие ступни ног переступали по гладкому камню. Светорада попробовала было вновь связать свои светлые кудрявые волосы в узел, вскинула руки, но потом передумала, позволив легкому ветерку играть рассыпавшимися локонами. Положив руки на гладкие округлые бедра, она какое– то время медлила, глядя туда, где необъятное море еще не отделилось от небосвода.

Там, в той стороне, за далекими берегами находилась ее родная земля – любимая и незабываемая Русь, варварская Скифия, как называли ее тут, в Византии. Некогда Светорада родилась в граде Смоленске на Днепре, там ее просватали за молодого князя Игоря Киевского, но по прихоти неспокойной судьбы она так и не стала княгиней, зато успела побывать и супругой воеводы в далеком Ростове, и женой хазарского царевича, и подругой печенежского хана. А затем смоленская княжна попала в Византию и вот уже пять лет живет тут в богатстве и покое, почти довольная своей долей. Вот только... Только наедине с собой она могла признаться, как скучает по Руси. Оттого в ее устремленных на горизонт ясных светло– карих глазах – янтарных, как говорили о них ромеи, – светилась эта потаенная тоска. Русь... Как же давно она не получала вестей оттуда! Как грустила по тем далеким, столь отличным от этих краев землям, по дубравам и могучим рекам, по деревянным крепостям и хороводам на ромашковых полянах. Русь!..

Светорада тряхнула головой, отгоняя негаданно нахлынувшую грусть. Глубже вздохнула, потянулась всем телом и, сложив руки над головой, легко и сильно прыгнула в воды ласкового моря.

...Легкий всплеск. Однако достаточно различимый, чтобы стоявший за выступом скалы раздетый молодой мужчина перестал вытирать свое мускулистое тело и оглянулся. Сперва он ничего не видел, кроме чуть отливавшего металлом моря, а потом его темные брови удивленно поднялись вверх, к мокрым завиткам волос, так как на блестящей поверхности моря показалась небольшая аккуратная головка и тут же начала удаляться, оставляя на воде след своими распущенными, похожими на водоросли волосами. Затем она опять нырнула и всплыла уже много дальше. Молодой человек даже перекрестился, словно увидел неведомое мифическое существо, но уже через миг его сложенные для крестного знамения пальцы застыли у плеча, ибо пловчиха вдруг сделала резкий, по– мальчишески размашистый гребок и благодаря легким движениям стала уплывать прочь, сильно и ловко загребая воду. И тогда он улыбнулся, довольно и радостно, будто в предвкушении чего– то приятного, медленно вошел в воду и поплыл.

Светорада его не заметила. Она наслаждалась морем и той силой, какую ощущала в себе, двигаясь скоро и мощно, словно в ее легком, нежном теле таились неведомые силы. Они и впрямь таились, проявляясь сейчас в движении, в ощущении единения с водной стихией, когда она позволяла себе отбросить все условности, быть самой собой, резвой и полной жизни молодой женщиной, чья неуемная энергия требовала выхода. Светораде хотелось устать той

телесной радостью, какая даст ей потом смиренно нести свой крест... как учат христиане. Русскую княжну, выросшую на берегах Днепра, и по сей день продолжала удивлять та легкость, с какой морская вода держала и несла ее умелое тело. Порой она гибко уходила под воду, видя на дне темные пятна покрытых водорослями возвышенностей, потом вновь выныривала, втягивала в себя душистый морской воздух и плыла навстречу постепенно светлевшему небу.

Вон уже ярче вспыхнул горизонт, показался слепящий диск солнца, от которого, золотя море, к плывущей женщине протянулась искрящаяся дорожка. Светорада перестала грести, закачалась на волнах, шурясь на встающее светило. Где-то в вышине с протяжным криком пролетела чайка. Светорада проводила ее взглядом, потом откинулась на спину, и ласковая морская вода поддержала ее, подняла, покачивая в золотящихся, переливающихся светом волнах.

В воде ощущались некие невидимые потоки, были слышны бульканье и хлюпанье, а вверху ясно голубело небо без единой отметины облаков. Днем небо станет почти белесым от жары, а сейчас оно нежное, прохладное, спокойное. Оно чуть нежнее там, откуда его озаряет солнце. И плещется тихо вода, умиротворяя, давая отдохнуть перед тем, как Светорада поплынет к берегу, чтобы вновь стать госпожой Ксантией из богатого поместья Оливий...

Какой-то звук... Более громкий всплеск и шум встревожили разнежившуюся женщину. Она перевернулась в воде, огляделась... И вдруг... Чье-то крупное тело рядом ушло под воду, мелькнув тенью, и Светорада вскрикнула, когда почти подле нее из воды возник кто-то еще.

Молодая женщина резко отпрянула, едва не задохнулась от страха. Берег так далеко, а она совсем одна... Сердце билось почти оглушающе.

– Я напугал тебя, прекрасная морская наяда?

Она и впрямь испугалась и была готова в любой миг кинуться прочь, плыть изо всех сил. Но его голос, ровный и чуть задыхающийся, немного успокоил. Но успокоил ли? Сердце по-прежнему горячо колотилось, дыхание было прерывистым и нервным.

– Еле смог догнать тебя, дивная дочь моря.

Мужчина, молодой и пригожий. Он покачивался на волне, смотрел на нее и улыбался. Она видела его просвечивающееся сквозь воду тело, обнаженное и ловкое, сильные плечи в блестевших на солнце каплях, белозубую улыбку. Незнакомец чуть щурился, улыбка его была лукавой и приветливой. И оттого что он больше не стремился приблизиться, а только смотрел, Светорада смогла наконец прийти в себя. Подумала сперва: какой это стыд – оказаться голой перед незнакомцем. Но ее укрывала искажающая все вода, которая была для прекрасно плавающей княжны своей стихией, знакомой и послушной, и именно это ощущение вдруг стало приводить Светораду в некое почти нереальное состояние. Они были вдвоем далеко от высившегося уступами берега, их озаряло солнце, и этот незнакомец перестал внушать ей страх.

А еще он был очень привлекателен. Светорада даже чуть склонила голову, разглядывая его лицо, молодое, смуглые, с красиво обрамлявшими его мокрыми завитками темных волос, круто изогнутыми бровями, тонким носом и чувственными улыбающимися губами. Глаза же у него... Глаза были светло-голубые, ясные и безмятежные, как небо над головой. Оттененные угольно-черными загнутыми ресницами, они показались Светораде удивительно красивыми.

Взволнованная и очарованная, она невольно ответила на его улыбку. И поддержала начатую им игру:

– Я не ожидала встретить тебя тут, морской тритон.

В ее голосе слегка сквозил иноземный выговор, не исчезнувший за годы жизни среди ромеев. Но этот акцент, похоже, чем-то позабавил незнакомца. Он вдруг откинулся на воде, взмахнув руками и подняв фонтан брызг, и громко засмеялся.

– Где же еще встретить наяде тритона, как не в волнах моря? – произнес он, все еще смеясь. – Я долго плыл за тобой, но смог настигнуть только тогда, когда солнце остановило тебя. И теперь я могу сказать, что ты прекрасна, как рассвет, свободна, как волна, и удивительна, как весь этот мир.

На Светораду вдруг нахлынуло необыкновенное чувство. Все, что происходило, казалось нереальным, неким чудом, когда возможно все, что угодно. Она позволила незнакомцу подплыть ближе, поймать ее руку в воде, притянуть к себе. Теперь он улыбался почти рядом, его мокре лицо с гладкой смуглой кожей было одновременно и веселым, и серьезным, и... напряженным. Наверное, она улыбалась ему так же, ибо в голове ее вдруг не осталось ни одной мысли – только желание глядеть в его прозрачные светло-голубые глаза, видеть, как приближаются его чувственные губы, ощутить их теплое и влажное прикосновение...

То, как властно и нежно он обнял ее, окончательно покорило Светораду. Она закрыла глаза и, чуть покачиваясь на воде, позволила этому приплывшему невесте откуда красавцу поцеловать себя; сама положила руки ему на плечи и почувствовала, как их ноги сплелись под волной, тела прильнули друг к другу, такие нереальные в воде, но ищащие друг друга. Они стали погружаться в этом сплетении – поцелуе, потом быстро вынырнули, вдыхая воздух, и стали смотреть друг на друга, ослепленные сиянием солнечных волн. Все это было подобно сну, и Светорада даже не подумала о том, как неподобающе... совсем нескромно ведет себя. Но сейчас она была словно не она. Она вдруг перестала быть знатной особой, уважаемой госпожой, византийской матроной, которую ждут дома дела и обязанности. Она и впрямь превратилась в морскую русалку, игривую и ласковую наяду, которой было весело и хорошо с подаренным ей морем красивым тритоном...

Они плыли к берегу рядом, порой то она, то он замедляли движение, вновь тянулись друг к другу в воде, страстно и упоенно целовались. Становилось все светлее, берег приближался, но все

равно их не покидало это негаданное чувство приобретения и желания.

Тритон решительно стал увлекать свою наяду к камню, где он оставил одежду, и Светорада подчинилась, какой-то частью сознания поняв, что будет правильнее, если он не узнает, откуда она явилась и что ее ждут. Но эта мысль тут же исчезла, когда их ноги коснулись дна и он, прижав Светораду к себе и больше не отпуская, вывел ее на берег, под нависавшую скалу. Это было укромное местечко, где она увидела брошенную им на мелкий галечник одежду — лежавшие у кромки воды высокие сапоги, тунику и штаны, а еще темно-алый сагион и кожаный шлем неподалеку. И, словно выходя из чарующего забытья, вполне трезво отметила, что ее тритон — воин. Сильный воин, худощавый, мускулистый, стройный. Она бесстыдно и оценивающе разглядывала его гладкую смуглую кожу, длинные, прекрасной лепки ноги. И одновременно, зная, что она красива, позволяла ему рассматривать себя. В свои двадцать пять лет русская княжна Светорада оставалась изящной, как юная девушка, ее тело с молочно-белой кожей не имело изъянов, им можно было гордиться и показывать... тем более что ранее она себе этого не позволяла, скрывая изумительную фигуру под строгими византийскими одеждами. Сейчас же она даже горделиво вскинула голову, венчавшую высокую шею подобно некоему произведению искусства.

Воин — тритон был очарован, его невероятно светлые глаза жадно засветились. Но он отступил туда, где лежал его темно-красный сагион, расстелил его на берегу, лег на спину и протянул к ней руки:

— Подойди!

Это было сказано призывающе и властно. Светорада подчинилась, ибо хотела подчиниться. Он поймал ее за тонкие запястья и прижал к себе, затем чуть подвинулся, укладывая ее рядом. И опять все было нереально и ошеломляюще — теплый плащ под спиной, горячее влажное тело рядом, требовательные и покоряющие поцелуи. Порой он приподнимался и смотрел на нее — серьезно, внимательно и восхищенно. А как он ее целовал... Ловил ртом ее приоткрытые уста, то верхнюю губу, то нижнюю, едва ощутимо покусывал, скользил языком в рот, касаясь кончика ее языка. Потом его поцелуи стали более сильными, глубокими, его руки убирали мокрые пряди с ее лица, оглаживали напрягшуюся грудь. Их еще влажные тела быстро согревались благодаря солнцу и легкому бризу, а также жару, исходящему изнутри. У Светорады зашумело в голове, сердце билось почти болезненно, тело начало выгибаться. Она сама раскрылась, развела бедра, чувствуя, что ее тритон уже готов, что он задыхается и нетерпеливо вздрагивает, накрывая ее своим худощавым, жилистым телом. Его кожа была гладкой как шелк, она чувствовала, как под ее жадными руками перекатываются его мышцы, и сама тянула его к себе. Он вошел в нее столь легко, что она только слабо ахнула, поняв, что они уже едины. И вздрогнула, наслаждаясь этим ощущением страсти, желания и единения.

Волнообразные движения, согласные в своей тяге тела, жаркие уста, сплетение рук и ног... Порой Светорада сквозь ресницы видела, что он не перестает смотреть на нее, серьезно и сосредоточенно. Он уже не улыбался, он брал ее так, словно это было для него неимоверно

важно, и даже не отвечал на ее слабые покорные улыбки. Потом, когда она начала погружаться в собственную глубинную негу, незнакомец приподнялся на руках, его движения стали более мощными, толчки более сильными, но он опять— таки не переставал глядеть на нее. И только когда по ее телу прокатилась волна дрожи, когда с ее уст сорвались слабые стоны, которых невозможно было сдержать, он что— то произнес, как молитву, почти благоговейно, и стал целовать ее исступленно, с благодарностью, а потом... Потом она уже почти ничего не понимала. Но знала одно: они вместе и это — чудо!

Откуда— то из слепящего света до нее донесся его далекий радостный вскрик, и она едва не заплакала от счастья. Так она и лежала, когда он смог наконец приподнять свою еще тяжелую голову, и смотрела перед собой невидящими, полными слез глазами. Потом он тоже всхлипнул, приник лбом к ее лбу, прошептав:

— Как давно у меня не было так...

«У меня тоже», — подумала она, но ничего не сказала.

Она уже возвращалась в реальный мир. Это восхитительно, но... Она забеспокоилась, представив, чем может обернуться для нее это полное безрассудной чувственности утро.

Светорада медленно поднялась на еще слабых ногах. Он же остался лежать, только повернулся и теперь смотрел на нее снизу, подперев голову рукой. Светорада знала, что в Византии, где царят столь строгие нравы, нагота тела считается чем— то почти кощунственным. Но сейчас ей нравилось, как он восхищенно разглядывает ее. И в то же время она понимала, что теперь ей надо скорее уйти. Ей не хотелось разговоров с ним, не хотелось, чтобы реальная жизнь разрушила это почти волшебное состояние, подаренное ей в рассветно золотящейся воде моря и на согретом солнцем берегу среди скал.

— Я ухожу.

— Зачем? Давай я возьму тебя с собой.

— Нет.

Он медленно сел и, чуть заслонившись рукой от солнца, продолжал смотреть на нее.

— Мне не говорят «нет». — В его голосе послышались обида и удивление. Но когда Светорада повернулась к нему и насмешливо улыбнулась, он покорно склонил голову. Однако через миг сказал: — Я многое бы мог сделать для тебя.

Светорада подумала, что он принял ее за какую— нибудь простолюдинку, ушедшую с виноградника, чтобы поплавать в море, ибо знатные византийские женщины вряд ли бы решились купаться нагими. Это с их— то строгим христианским воспитанием и суровыми правилами! Но ей не хотелось, чтобы ее прекрасный незнакомец догадался, кто она.

– Пусть мой тритон остается для меня морским божеством. Это как подарок богов.

Она осеклась, сообразив, что высказалась, как язычница, верявшая в многобожие. Однако он только улыбнулся, поняв из ее слов что—то свое.

– С тобой я словно попал в мир древних, моя наяда, когда женщины еще не прятали свою красоту и не боялись любить. Так любить!..

Светорада смотрела на своего негаданного любовника с грустью, оттого что должна была уйти. Она ведь и так задержалась дольше обычного: солнце успело встать над морем, колокола в Пантелеимоновской обители уже отзвонили, а ее Дорофея скоро встревожится и направит раба—охранника Силу разыскивать хозяйку. Да, Светораде пора возвращаться к человеку, с которым она уже пять лет живет как жена, пора возвращаться к сыну.

Она отвернулась, направилась к морю, но когда уже вошла по колено в воду, молодой любовник нагнал ее.

– Приходи сюда завтра в этот же час! Я буду ждать тебя. И пусть море вновь соединит нас.

Светорада была благодарна ему за эти слова и порывисто обняла. Он держал ее крепко, словно не желал отпускать. Но она все же высвободилась из его рук.

– Да, я приду. На рассвете.

Он смотрел на нее, когда она поплыла. Понимая, что было бы нежелательно, чтобы молодой человек догадался, откуда она прибыла, Светорада набрала побольше воздуха и глубоко нырнула. Она долго плыла под водой, дабы ее Тритон (таким именем она его наградила) не проследил, где ее убежище. Потом она припала к камню у своей бухточки и замерла, вслушиваясь, как где—то за скалой раздаются звуки удаляющихся шагов, приглушенных плеском волн.

Только тогда Светорада вышла на берег, взобралась на свой камень и стала торопливо одеваться. Оглянувшись, она увидела, что на воде уже белеют паруса рыбакских суденышек. Что ж, она вернулась в реальный мир и сейчас пойдет к ожидавшим ее слугам. Если они и впрямь еще не кинулись искать ее. На верного Силу она могла положиться — тот смолчит, что бы ни увидел. Другое дело — неспокойная Дорофея. Да, русской княжне надо поторопиться. У Светорады была хорошо налаженная, спокойная и благополучная жизнь, и она не желала в ней ничего менять. Даже ради того смятения чувств, в какое ее ввергла странная встреча с незнакомцем Тритоном.

Глава 2

Ни одно большое имение в византийской провинции Оптиматы не строилось без того, чтобы в нем не было собственной церкви. Была церковь и в богатом имении Оливий, расположенном на высоком берегу над взморьем. В особо торжественные дни сюда на богослужение приходило много окрестных жителей, а в обычные, как этот, дни здесь собиралась семья господина Ипатия Малеила, его домочадцы и слуги.

По окончании утренней литургии, когда иеромонах Пантелеймоновского монастыря Симвятий, причастив хозяина и его людей, уже складывал священные сосуды в сумку, патрикий Ипатий вышел из часовни и неспешно двинулся вдоль колоннады усадьбы в сторону сада. На повороте он оглянулся на усыпанную цветным гравием аллею, прямо уходившую между рядов пальм к воротам. Какое-то время патрикий глядел на дорогу, ожидая, когда же появится двуколка его возлюбленной Светорады, но, так и не дождавшись, направился к оливковым зарослям.

Там, под густой блестящей кроной деревьев, в прохладной тени виднелись мраморные колонны выполненной в античном стиле беседки. По окружности беседки на каменной скамье были разложены желтые замшевые подушки, а в центре стоял столик с выложенной мозаикой столешницей, на которую проследовавший за Ипатием слуга предупредительно поставил миску с творогом и высокий стеклянный кубок с сывороткой. Патрикий Ипатий посмотрел на еду едва ли не с отвращением. С некоторых пор его стали мучить боли в боку, и лекарь посоветовал ему по утрам есть творог. Ипатий же его терпеть не мог. Да вот умница Светорада додумалась добавлять в творожную массу немного сушеных абрикосов и меда, так что есть стало более-менее приятно. Она вообще у него золото – Светорада Золотая, Светорада Медовая, Светорада Янтарная, как прозвали ее тут, в Византии. Ипатий мысленно поблагодарил Бога и Его Пречистую Матерь за то, что они дали ему насладиться жизнью подле столь замечательной женщины.

Ипатий проглотил ложку творога, запил сывороткой и глубоко вздохнул. Ему шел уже пятьдесят первый год, он сильно сдал за последнее время и, хотя в свои лета казался достаточно крепким, особенно в сравнении с иными людьми его возраста, тем не менее понимал, что не такой муж должен был достаться столь молодой и полной жизни женщине, как русская княжна. Да и был ли он ей мужем? Ипатий справедливо надеялся, что однажды по закону обвенчается со Светорадой и тогда сможет отправить гонцов на ее родину, чтобы сообщить, что сестра смоленского правителя стала благородной патрикией в богохранимой Византии. Ах, его милой славяночке от этого была бы такая радость – получить весточку с берегов Днепра! Но не вышло. Ибо много лет назад, когда Ипатий был молод, он обвенчался с аристократкой Хионией из города Фессалоники. В то время этот брак для Ипатия считался очень выгодным. Хиония родила ему сына Варду, и он сумел возвыситься благодаря приданому жены. Однако с годами их отношения с Хионией совсем разладились, они все больше отдалялись друг от друга, пока наконец их семейная жизнь не превратилась в обременительную обязанность. Хиония была очень религиозна, супружескую близость едва терпела и, решив, что ее долг выполнен после рождения сына, полностью посвятила себя благотворительности. Пока не заболела проказой...

По византийским законам муж мог расторгнуть брак, если его супруга тяжело заболела и не способна выполнять супружеские обязанности. Тем не менее Ипатию не удалось получить

развод. Поэтому русская княжна вот уже пять лет жила с ним на правах обычной сожительницы. Во грехе – так говорили об их союзе святые отцы Церкви.

Ипатий грустно вздохнул, отодвинул почти съеденный творог и утер платочком тонкие губы. Что ж, годы идут, а он по–прежнему остается полувдовцом из–за этой разлагающейся заживо покойницы Хионии и полусупругом, так как брак с любимой княжной все откладывается. Однако многие из его знакомых уже свыклились с тем, что его русская сожительница почти жена ему, уважают ее, особенно после того как Светорада приняла крещение и стала христианкой Ксантией. Ах, чего бы только Ипатий ни сделал для нее! Она ведь так добра к нему. Но не любит… Может, был миг, когда ему казалось, что в ее душе пробуждаются чувства, но потом он понял, что Светорада просто свыклась со своим положением и испытывает к нему лишь уважение и признательность. Он же любит ее всем сердцем. Но все чаще ощущает, как годы берут свое…

Признаться, для своего полувекового возраста Ипатий Малеил выглядел недурно. Он всегда держался с величием и достоинством, старался аккуратно и элегантно одеваться. Сейчас он был в легкой одежде – белой, чистой; одна пола собранного в красивые складки светлого плаща, расшитого темными узорами, закинута на левое плечо, правая рука голая. Худощавый (только в последнее время он стал немного сутулиться), с шапкой кучерявых волос, темных, хотя и обильно присыпанных сединой, с густыми, еще черными бровями, которые выделялись на тонком породистом лице, патрикий выглядел довольно привлекательно. Но под карими глазами стали набрякать мешки, резче обозначились морщины в уголках тонкогубого рта, заметнее проступили жилы на старческой шее, и все чаще ломят суставы и ощущается слабость. Однако Светорада никогда даже не намекала Ипатию, что ее что–то не устраивает, никогда не жаловалась на раздраженность или усталость. Всегда так заботлива, предупредительна, мила, всегда покорно предоставляет ему свое крепкое молодое тело… когда у него возникает желание. Правда, в последнее время это происходит не очень часто, ну да у проживших вместе пять лет супругов чувства не должны проявляться так же бурно, как ранее. Кроме того, в Византии излишние плотские желания считаются греховными. Но Светорада не была рождена христианкой, в ней живет неспокойный языческий дух, силы так и бурлят в ней, придавая ей Янтарной госпоже столь пленительное очарование.

Ипатий никогда и ни в чем не ставил Светораде препоны. Хочется ей принимать гостей – на то ее воля. Не пожелала по жаре ехать на молебен в Пантелеимоновскую обитель – он тоже не едет. Не противится патрикий и в том случае, если бойкой Светораде вдруг вздумается устроить в имении Оливий танцы со здешними девушками или поехать кататься верхом на целый день. Ну а если ей желательно ранним утром покупаться в море – Ипатий и тут согласен отпускать ее. Хотя ни одна византийская матrona не решилась бы на подобные игры с волнами, а этой только дай